

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Д.В. МЕЛЬНИК

Концепция социального либерализма на “рынке идей” современной России

В статье делается попытка позиционирования концепции социального либерализма в более широких рамках либеральной традиции. Восприятие этой традиции в современной России носило весьма ограниченный характер и проявлялось, в основном, в разработке экономической политики. Концепция социального либерализма потенциально может способствовать обогащению отечественной либеральной традиции. Вместе с тем для распространения либерализма есть и серьезные препятствия. Анализ методологических оснований концепции социального либерализма позволяет выявить некоторые из них.

Ключевые слова: социальный либерализм, либеральная традиция, рынок идей, социально-экономическая модель России, институты.

Идея свободы и разновидности либерализма

Следуя этической традиции, которую условно обозначим как “стоическая”, свободу можно воспринимать исключительно как внутреннее состояние. Социальные и исторические условия, правовые нормы в этом случае выступают несущественными факторами, в большей или меньшей степени препятствующими сохранению гармонии между велениями разума и поступками. Напротив, исходя из традиции, которую также условно можно назвать “аристотелевской”, для жизни обычного человека (при всей важности воспитания разума и следования ему) фундаментальное значение имеет структура того общества, в которое он включен. Иными словами, структуры, в которые включены люди, имеют большее значение для достижения желаемых целей и обеспечения базовых ценностей, чем сами люди. В случае, если базовой ценностью выступает свобода (а это, очевидно, и есть фундаментальный принцип, общий для всех вариантов и разновидностей либеральной доктрины), на первый план выходят те структуры взаимодействия людей, которые ограничивают или корректируют результаты свободного поведения каждого человека в отдельности. Человек может быть внутренне свободным в любом обществе, вопреки внешней несвободе. Напротив, свободное общество не может посягать на внутренний мир человека, но именно поэтому нуждается в структурных преградах по отношению к поведению тех, кто нарушают веления разума, кто внутренне несвободны.

Мельник Денис Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической методологии и истории Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский просп., д. 32, Москва, 117218. E-mail: dmelnik@hse.ru.

Следование “стоицизму” предполагает последовательный индивидуализм. “Либерал-стоик” свободен прежде всего от общества, от любого общества, в котором он живет. Такой подход может представляться наиболее оторванным от реальности, но именно тогда, когда социальная реальность выступает незыблемой и всепоглощающей, он часто остается единственно доступным. Множество примеров следования стратегии ухода в себя, внутренней эмиграции, “письма в стол” как попыток освобождения (нередко, впрочем, саморазрушительных) демонстрируют судьбы людей, живших в условиях тоталитарных режимов XX в. Однако проблема автономии частного мира “маленького человека” в столкновении с социальной реальностью и ее изменениями носила и носит более общий, не сводимый только к условиям тоталитарных политических систем, характер. “Стоическая” стратегия выступала и выступает в той или иной степени осознаваемой формой практического отстаивания своей свободы индивидами, “раковиной”, в которой они пытаются переждать приливы и отливы истории, скрыться от ледящего внимания политических режимов, от всевидящего ока общества. Но она не предполагает и не выдвигает какого-либо особого устройства общества в качестве средства обеспечения свободы (или, иначе, совместима с любым реально возможным устройством) – в особенности, если индивид склонен жертвовать ради своей свободы внешними благами.

“Аристотелевская” традиция, напротив, исходя из свободы индивидов как базовой ценности, предполагает обеспечение внешних условий свободы, построение свободного общества. Для нее свободным должно быть общество. При конструировании (теоретическом или практическом) свободного общества опора исключительно на свободу индивидов вряд ли может обеспечить его устойчивость. На индивидуальном уровне достижение автономии в идеале предполагает следование “моральному закону”. Однако в нормальных условиях оно не должно требовать индивидуальных подвигов и жертв в качестве общего правила. Обычный человек в обычных обстоятельствах нуждается для обеспечения своей свободы в наличии определенной степени независимости от внешних, в том числе и материальных, условий. Он нуждается также в возможности защиты от неправомерных посягательств на эту свободу со стороны других. В то же время система взаимодействия людей нуждается в структурных ограничителях действий индивидов, вольных следовать своим целям и интересам.

Построение и сохранение свободного общества требует наличия определенных пределов произвольным действиям индивидов. С учетом того, что наиболее явной и при этом наиболее доступной для управления формой урегулирования и координации общественной жизни выступает право, исторически именно с правом в первую очередь связывалось наличие условий свободы (равно как и несвободы). А поскольку возможность поддержания обязательности правовых норм, в том числе и посредством легитимного насилия, связана с функционированием государства, соответствующие условиям свободы правовые системы теоретически связывались с определенными политическими формами. Данная интеллектуальная традиция обрела вполне законченные черты к XVIII–XIX вв. Обозначу ее условно как “правовой либерализм”.

Вместе с тем именно в этот период происходит оформление другого направления в рамках либеральной традиции. Она основывается на том, что ключевой механизм координации обеспечивается рыночным механизмом, и его беспрепятственное функционирование и распространение выступает условием прогресса общества и поддержания свободы вообще. Таким образом, основной целью государственной политики выступает не поддержание свободы непосредственно, а создание и сохранение условий для свободы экономической деятельности. Обозначу эту традицию как “экономический либерализм”.

Непротиворечивое сочетание двух этих разнородных традиций оказалось возможным на базе такого типа развития, которое, говоря языком современного неинституционального анализа, сочетало наличие “хороших” институтов, или порядков открытого доступа, (см. [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2013]) с эффективным функционированием рыночной системы, обеспечивающим экономический рост и распределение

его результатов среди большинства. Данный тип развития был характерен для группы так называемых развитых стран примерно с XIX в., хотя можно спорить о том, что в первую очередь определяло процессы распределения и тем самым общий рост благосостояния, – сам рыночный механизм (эффективное функционирование которого позволяет в том числе отбирать и соответствующие институты) или перенастройка институтов извне. Собственно, с указанием на необходимость внешнего воздействия на рыночный механизм для обеспечения более справедливого и в конечном итоге более эффективного распределения его результатов связана интеллектуальная традиция, которая может быть обозначена условно как “социальный либерализм”.

В связи с указанными концепциями и во многом в ответ на них в XIX в. стала развиваться также традиция, приверженцы которой исходили из исторически преходящего характера рыночного механизма (или капитализма как его наиболее развитого воплощения) и неразрывной связи экономических и политических форм. Они подчеркивали важность достижения “правильного” социального, а не экономического или политического устройства. Однако эта традиция, также будучи генетически связана с понятием свободы, не относится к либеральной традиции и противостоит ей.

Представления индивидов о свободе, оставаясь на уровне внутреннего мира, могут влиять лишь на их стратегии поведения. Но они могут и артикулироваться на основе определенных широко разделяемых дискурсов, источником которых выступают сложившиеся интеллектуальные традиции. В последнем случае они предстают в качестве “социальных ценностей”. Наличие сложившейся и влиятельной интеллектуальной традиции – необходимое для этого условие.

Установление господства одного из вариантов антилиберальной традиции после Октябрьской революции 1917 г. прервало развитие либерализма в России в каком-либо из его вариантов на протяжении большей части XX в. В результате либерализм в России на рубеже 1980–1990-х гг. стал продуктом почти исключительно импортируемым. А поскольку он начал отождествляться с попыткой “шоковой терапии” (как ее сторонниками, так и противниками), использование этого термина стало чаще всего обозначать не особое мировоззрение, в рамках которого возможны весьма различные подходы к конкретным проблемам, а то или иное отношение к данному и последующим этапам проведения экономической политики в стране. Такая операционализация закрыла возможность рассмотрения либеральной традиции в публичном пространстве вне связи с болезненным опытом слома плановой экономики и резко поляризованным отношением к этому опыту в обществе. В то же время попытки восстановления связи с прерванной историей либерализма в России не привели к актуализации имеющегося наследия, оставшись почти исключительно в области истории идей. Напротив, большой отклик имело переиздание работ интеллектуалов русского зарубежья, прежде всего религиозных философов и историков (широкое распространение которых, впрочем, началось еще в самиздатовскую эпоху). Эти авторы, однако, не только не следовали в русле либеральной традиции, но и часто были враждебны ей. Таким образом, наиболее “органическим” результатом обращения к дореволюционной и послереволюционной “свободной русской мысли” стало усиление позиций евразийства и религиозно-философских концепций в различных их вариантах. Либерализм же для значительной части общества стал восприниматься как явление чужеродное и враждебное.

Следует подчеркнуть, что последнее утверждение относится исключительно к области интеллектуальной истории. Оно никоим образом не предполагает суждений относительно восприятия в обществе самой идеи свободы. Такие суждения могут вытекать из исследований совершенно другого плана. Однако, если данное утверждение применительно к области интеллектуальной истории правомерно, оно означает, что идея свободы (в том случае, если она действительно значима для сколь-нибудь заметной части общества) с большой степенью вероятности не будет артикулироваться на базе дискурса либеральной традиции и воплощаться в политические и экономические требования, с этой традицией связанные. В этом случае фундаментальной проблемой восприятия либеральной традиции в России выступает не готовность или неготовность

людей к свободе, а сложившийся стереотип восприятия либерализма как феномена, враждебного в том числе и распространенным в обществе представлениям о свободе.

Такое положение либерализма на отечественном рынке идей, можно предположить, стало одним из факторов распротранения в среде его сторонников концепции авторитарной модернизации как предварительного условия построения свободного общества. Свобода здесь представляется в качестве ценности, изначально разделяемой элитой, но не большинством населения, к свободе в полной мере не готового. Потому фундамент свободного общества должен закладываться в результате максимально свободного развития рынков, поддержания макроэкономической стабильности и последующего роста благосостояния на основе экономического роста. Социальной целью авторитарной модернизации выступает становление “среднего класса”. Политические свободы в “незрелом” (не достигшем преобладания “среднего класса” среди избирателей) обществе рассматриваются как препятствие для экономической свободы. Просвещенный автократ (воплощением которого ранее воспринимался А. Пиночет, а теперь чаще всего Ли Куан Ю) необходим для умелого использования всех средств из арсенала государственного аппарата для принуждения к свободе.

Мировоззренческой основой для этой концепции стала так называемая “неолиберальная” доктрина экономической политики, в форме которой в основном шло заимствование идей экономического либерализма. Неолиберальная доктрина так и не получила законченного определения, и о самой правомерности ее выделения до сих пор идут споры. Это подчеркивает, как представляется, ее нетеоретический характер. Речь идет, скорее, о разновидности экономической философии в рамках того направления либеральной традиции, которое было обозначено выше как экономический либерализм. Она сформировалась под влиянием теоретических положений критиков кейнсианско-неоклассического мейнстрима второй половины XX в., которые долгое время занимали относительно маргинальное положение в экономической науке. Конкретное воплощение эта философия обрела в специфическом политическом контексте ряда латиноамериканских государств 1970–1980-х гг. Пройдя затем через некоторую теоретическую рефлексию, латиноамериканский опыт стал выступать моделью для “переходных экономик” на рубеже 1990-х гг.

Об условиях и результатах воплощения данных моделей можно спорить. Но оставаясь в области истории идей, следует заметить, что восприятие такой разновидности экономического либерализма в России привело к появлению интеллектуального феномена “патерналистского” либерализма. Предполагая построение свободного общества как цель, он исходит из возможности ограничения свободы как базовой конститутивной ценности.

Экономический анализ и либеральная традиция

Разнообразие в рамках либеральной традиции, возможность выделить в ней различные “либерализмы” важно учитывать, имея в виду ее неразрывную связь с западными (а в действительности, к концу XX в., мировыми) экономическими исследованиями. Связь анализа с тем трудноопределимым началом, для обозначения которого можно использовать термины “мировоззрение”, “идеология” или, следуя Й. Шумпетеру, “видение”, представляется весьма сложной проблемой, о правомерности самой постановки которой применительно к экономическому анализу идут давние споры. Собственно, независимость позитивного анализа от каких-либо нормативных начал – одна из часто декларируемых методологических истин современной экономической науки. Тем не менее, затрагивая методологическую проблематику, можно рассматривать не только то, как экономисты (или вводные главы учебников по экономике) представляют проведение исследований в идеале, но и то, как они в действительности проводятся. Важную роль в последнем случае играет наличие ряда “фильтров”, посредством которых вольно или невольно отсеивается информация на входе и выходе исследовательского процесса (см. [Ананьин 2013]). Либеральное мировоззрение мож-

но рассматривать в качестве одного из таких фильтров в отношениях между субъектом и объектом исследования. Несмотря на то, что не все элементы современного экономического анализа формировались в русле либеральной традиции, вывести из него противоречие ей положения весьма затруднительно – и это может свидетельствовать о наличии такого фильтра и его эффективности. Здесь можно усмотреть лишь свидетельство предвзятости и идеологической обусловленности, о чем собственно и говорили критики начиная с XIX в. Однако важно подчеркнуть, что речь идет лишь об одном из фильтров в процессе *анализа*, имеющего как таковой самостоятельный и самодостаточный характер. И рассматривая результаты аналитического развития, нельзя не признать, даже при всей симпатии к тому или иному современному “гетеродоксальному” направлению, что ни одно из этих направлений не может, при всей правомерности и обоснованности выдвигаемых критических положений, предоставить сопоставимую по охвату и степени формализации аналитическую систему.

Последнее положение в полной мере применимо и к современной отечественной критике “economics”, в которой современный экономический анализ, по сути, отождествляется с неолиберальной доктриной экономической политики. Для этой критики характерно указание на два недостатка “economics”. Во-первых, на отсутствие “существенного политэкономического анализа”. Во-вторых, на навязывание (умышленное или нет) в качестве цели экономической политики лишь одного экономического механизма или уклада – рыночного – в противовес преимуществам “смешанной экономики”, характеризующей, по распространенному мнению, социально-экономические системы развитых стран.

Первый упрек – отголосок давнего отношения к “вульгарной буржуазной политической экономии” со стороны марксизма, который переносит в современность противопоставляемый этой “вульгарности” нормативный идеал, разделяемый и советской политической экономией. Второй упрек имеет более позднее происхождение и носит автохтонный характер: его истоки можно проследить в оценках частью советских экономистов (и не только) опыта нэпа (а также так называемых “косыгинских реформ”) как упущенного шанса направить развитие страны к подлинному социализму “с человеческим лицом”. Эти оценки нередко соединялись с проникшим в советский академический дискурс из восточноевропейских стран понятием “рыночного социализма”.

Если использование понятия “многоукладность” в советской экономической литературе было широко распространено (в качестве исторической характеристики неразвившейся в полной мере формации), то упоминание рыночного социализма было возможно только при перечислении одного из заблуждений “реформизма”. Применение этого понятия в качестве возможной модели развития советской экономики вплоть до перестроечного периода, мягко говоря, не приветствовалось. Однако на излете советской истории идеи достижения многоукладности и рыночного социализма соединились, став, по сути, частью официальной идеологии. Эти идеи в той или иной форме были перенесены и в постсоветский период.

С “сущностной” точки зрения, под рыночным социализмом, или многоукладностью, или смешанной экономикой, или регулируемой рыночной экономикой, понимается рай, потерянный для нашей страны то ли в конце 1920-х, то ли в середине 1960-х, то ли в начале 1990-х гг. Земной образ этогорая помещается где-то между Китаем и Швецией. Потеря его всегда выступает результатом неправильной, непродуманной или просто злокозненной политики. Возвращение в него возможно путем политики правильной. Рисуеться она обычно весьма широкими мазками, изменяется ситуативно (как сказали бы советские марксисты, “оппортунистически”), но чаще всего включает необходимость поддержки отечественного производства, отхода от монетаризма, опору на государственное регулирование (или планирование, поскольку, как известно, “во всем мире давно применяется планирование, отказались от него только мы”), применения мер по увеличению внутреннего спроса, и т.д. Разумеется, “сущностный анализ” такого рода характеризует далеко не всех отечественных критиков мейнстрима экономической науки. Тем не менее он весьма распространен и представляет собой,

если попытаться рассмотреть его в целом, весьма причудливый набор (или вполне постмодернистский по своему характеру синтез) положений и риторических конструкций классического марксизма, советской политической экономии, кейнсианства, религиозно-философских концепций, евразийства и глубоких личных убеждений. В силу своей синкретичности он, по сути, и не нуждается в промежуточном звене в виде анализа между исходными положениями и практическими рекомендациями. Последние в своей основе сформировались в виде реакции на “шоковую терапию” начала 1990-х гг. и законсервировались в таком виде. Но эти рецепты оказываются слишком общими и расплывчатыми при попытках приложить их для решения конкретных проблем, возникающих два десятилетия спустя.

Именно аналитическая система составляет базовый элемент воспроизводства интеллектуальной традиции, позволяя, с учетом особенностей фильтрации информации на входе и выходе, сохранять ее динамическое постоянство в меняющемся мире. Современный экономический анализ, будучи частью богатой (представленной различными видами “либерализмов”) традиции, не скрывает изменений, произошедших в мировой экономике за последнее столетие и не скрывается от них. Значимой характеристикой социально-экономических моделей развитых стран XX в. действительно стал рост государственного воздействия на экономику. Но разработка весьма абстрактных вопросов экономического анализа была весьма тесно, хотя и не всегда явно связана с ним. К примеру, модель рыночного социализма неразрывно связана с основами неоклассического анализа. Разработанная по результатам дискуссии сторонников и противников возможности планирования 1920–1930-х гг., эта модель послужила углублению и распространению концепции общего экономического равновесия. Практические результаты ее применения, равно как и в целом попыток реального воплощения фигуры вальрасовского аукциониста более чем скромны, и в действительности уже к 1970-м гг., если не ранее, реальный интерес к ним угас. Но разработка этой проблематики с теоретической точки зрения стала важным шагом в формализации метафоры “невидимой руки” как системы согласования действий индивидов, следующих при данных ресурсных ограничениях своим интересам и предпочтениям, – системы, которая посредством соответствующих изменений цен, позволяет достичь равновесного состояния. Такая формализация позволила сторонникам и противникам тех или иных мер экономической политики говорить на одном языке, не ставя под сомнение принцип эффективности как цели экономической политики, а суверенитета потребителя как фундамента экономической свободы.

Анализ проблемы благосостояния и условий не только возможности, но и стабильности экономического равновесия, связанные с этим дискуссии о понятии полезности также имели и имеют практическое значение. Из этого не обязательно следует, что абстрактные экономические модели непосредственно воплощаются в законодательстве или определяют конкретные параметры, скажем, налогообложения. Конкретные меры экономической политики могут разрабатываться вовсе без оглядки на теорию – под воздействием сложившегося баланса сил, под влиянием сиюминутных интересов и т.д. Но наличие признанной теоретической основы задает общую направленность экономической политики, определяет границы, за которые ее отдельные мероприятия не могут выйти.

В XX в. развитые страны в общем, несмотря на некоторые политические зигзаги, следовали либеральной традиции. С 1940–1950-х гг., в условиях послевоенного строительства государства благосостояния, именно экономика заняла центральное место в социальном знании. С 1970-х гг. позиции этой науки, безусловно, пошатнулись. Но несмотря на все кризисы, на дробление и специализацию внутри профессионального сообщества, на размывание основ теоретико-методологического консенсуса, экономическая теория при непосвященном взгляде на нее со стороны воспринимается пусть и малопонятной, чрезмерно формализованной, но respectable основой отношения к социальным проблемам. Для тех, у кого нет желания или возможности погружаться в формальный анализ, теория поставляет мировоззрение.

Так, заведения питания известной сети “Макдональдс” по всему миру стали объектом неприятия среди значительной части общества. Их закрытие, вероятно, сопровождалось бы ростом сиюминутной поддержки со стороны части сельхозпроизводителей, владельцев и сотрудников ресторанов, сторонников здорового образа жизни и ревнителей национальных традиций в кулинарии, например во Франции. Однако последовательная или частичная реализация этой меры государством в реальности невозможна не только потому, что она нарушает права собственности, но и потому, что государственные ограничения свободы предпринимательства консенсусно воспринимаются как препятствие эффективности экономической системы как цели и суверенитету потребителя как базовой предпосылке сложившейся социально-экономической модели.

В периоды кризисов экономической науки, тесно связанных с масштабными социально-экономическими кризисами, противоречия между различными подходами к обеспечению структурных условий свободы выходили на первый план, обостряя конфликт между различными теоретическими направлениями. Но столкновения между ними со второй половины XX в. ведутся, как правило, на едином языке и в общих рамках. Даже самые последовательные сторонники вмешательства государства не видят в нем замены рынку в качестве регулятора аллокации ресурсов и не ставят суверенитет государства выше суверенитета потребителя. А при всей критике неэффективности созданных механизмов благосостояния, в рамках мейнстрима сегодня нет и влиятельных течений, призывающих полностью обнулить результаты предшествующего столетнего развития социальной сферы. Спор ведется между теми, кто считают возможным вмешательство с целью перераспределения результатов рыночного процесса для максимизации благосостояния (устранения “провалов рынка”) и теми, кто полагают, что роль государства должна быть связана с поддержанием такой системы институтов, которая снижала бы издержки работы рыночной системы, максимально приближая ее реальные результаты к идеальным, возможным при нулевых транзакционных издержках. Этот спор ведется на языке экономического анализа.

В современной диверсифицированной экономике и в сложном обществе весьма высоки и потребность в определенном регулировании, и цена ошибок при проведении экономической политики. Государственное вмешательство само по себе есть проблема, требующая обоснования целей и средств такого вмешательства. Эта проблема не может быть решена путем простого изменения величины государственных расходов, снижения или увеличения налоговой нагрузки и т.д. Современный экономический анализ (не обладая, безусловно, теоретической монополией) позволяет ставить и решать проблемы экономической политики, совмещая задачи достижения эффективности и поддержания одной из базовых конститутивных ценностей современного общества – свободы.

Условия построения свободного общества в концепции социального либерализма

Концепция, предложенная А. Рубинштейном, развивается в русле современного экономического анализа. При этом она отталкивается не от недостатков или провалов рыночного механизма как такового, а от наличия особых “опекаемых” благ, в отношении которых возможно установление общественной функции полезности. Концепция исходит из возможности снятия жесткого методологического противопоставления между индивидуализмом и коллективизмом как принципами анализа. Согласно данному подходу, онтологический индивидуализм не предполагает с необходимостью индивидуализма методологического. Сам рынок предстает как механизм обобщения индивидуальных предпочтений. Но помимо этого, Рубинштейн выделяет и другой механизм обобщения предпочтений, который не может быть сведен к рыночному: “... если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существую-

шие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы” [Рубинштейн 2012, с. 20]. Параллельное функционирование двух механизмов выявления предпочтений и двух сфер принятия решений (экономической и политической) не противоречит и не ставит под сомнение суверенитет индивида в реализации его интересов как фундаментальное мировоззренческое условие свободы.

По сути, такое сочетание двух регуляторов представляет одно из возможных рабочих определений “смешанной экономики” как социально-экономической модели. В то же время такое “смешение” не означает в данном случае, что одна из сфер принятия решений начинает трансформировать свои принципы под воздействием другой. Чтобы подчеркнуть различие между ними, Рубинштейн даже вводит предпосылку о “разных людях”, действующих в каждой из них. Эту предпосылку подвергает, в частности, весьма убедительной критике В. Тамбовцев [Тамбовцев 2013]. Однако данное положение можно интерпретировать не как “реалистическое” или позитивное, а как нормативное выражение условий устойчивости социально-экономической системы. Оно подчеркивает фундаментальную важность разделения двух сфер как одного из условий свободы. Этому соответствует, как представляется, то, что функционирование политической сферы определяется в концепции Рубинштейна сложившимся демократическим механизмом – и данное условие вводится в качестве одной из исходных предпосылок. Свобода в этом случае выступает в качестве базовой ценности общества, а не возможного результата определенной последовательности его изменений. Иными словами, общее признание ценности свободы также рассматривается как нормативное условие.

Критика Тамбовцева выявляет методологическую проблему такого подхода: попытка включения в экономический анализ политической сферы базируется на предпосылках, выводящих эту сферу за пределы экономического анализа. Между тем с теоретической точки зрения экономистам есть что сказать в отношении механизмов политического выбора. Постулирование демократических институтов отнюдь не гарантирует демократического выбора, адекватного условиям максимизации благосостояния. Собственно, с обоснования “теоремы о невозможности” К. Эрроу принято вести отсчет формирования того направления анализа в рамках экономики благосостояния, к которому можно отнести и концепцию, предложенную Рубинштейном. Однако проблема еще более очевидна в практическом срезе. Попытка применения предложенной концепции социального либерализма к конкретным условиям, в которых эффективные демократические механизмы еще не сформированы, наталкивается на простой вопрос: откуда им взяться?

С одной стороны, довольно легко предположить, что политическая сфера, которая в отличие от экономической обладает средствами для насильственного навязывания своих целей, начинает подминать под себя последнюю. С другой стороны, столь же легко предположить, что политическая система перестает работать в интересах общества и начинает служить реализации интересов и целей вполне конкретных людей. Ожидать появления “других” людей, действующих в политической сфере, в таких условиях нереалистично. Следует указать и на смежную проблему. Представляется, что в данной концепции не проводится четкого различия между политическим механизмом выявления общественных предпочтений и государственным механизмом управления. Выборы и референдумы сами по себе не являются механизмом управления. Даже в условиях сложившихся демократических процедур граждане выбирают не только политики, но и политиков. При этом политиков и государственных служащих также можно рассматривать как “разных людей”.

Поэтому, по крайней мере в рамках экономического анализа, альтернативный подход представляется более логичным и экономным с точки зрения предпосылок. Согласно ему, действия людей во всех возможных сферах определяются единой логикой – логикой выбора наилучших с учетом имеющихся целевых функции способов использования ограниченных ресурсов. В экономической сфере эти выборы выража-

ются в системе цен, в политической – в системе институтов. Политика в этом смысле выступает продолжением экономики. Однако такой подход требует дополнительного обоснования, во-первых, возможности и устойчивости достижения оптимального положения посредством системы цен и, во-вторых, возможности отбора и закрепления “правильных” институтов за счет неэффективных. Обоснование первого условия лежит у истоков неоклассического анализа. Обоснование второго связано со становлением неинституционального направления. И здесь необходимо заметить, что поставленная в концепции Рубинштейна проблема одновременного сосуществования и в то же время принципиального разграничения двух механизмов координации – рыночного и политического – является вызовом и для данного подхода.

Государство, безусловно, можно рассматривать как набор институтов, существующих и трансформирующихся наряду с другими институтами. Но возможность проведения политики с опорой на легитимное насилие наделяет его субъектностью, недостижимой для всех иных институтов. Изменения в политике вполне могут анализироваться на основе методологического индивидуализма как отражение различных балансов интересов и сил основных игроков. Однако их конфигурация способна меняться гораздо более резко и быстро, чем можно было бы ожидать на основе действия “экономического отбора” (например, в случае войн или революций). Но и без обращения к таким предельным случаям, изменения в политике более подвержены воздействию идей, чем экономическая деятельность. Политические интересы вполне способны вступать в конфликт с экономическими. Рациональное преследование собственной выгоды может противоречить целям экономической эффективности, а вооружаясь средствами государственного принуждения, оно вполне может иметь последствия, выходящие за рамки исключительно редистрибутивного эффекта и связанные с трансформацией самой институциональной структуры.

Можно утверждать, что постепенный рост благосостояния и образования отдельных слоев общества повышает их спрос на “хорошие” институты, но уже имеющаяся их конфигурация вполне способна препятствовать формированию соответствующего предложения или трансформировать сам спрос. Без принятия определенных ценностей как фундаментальных нет никаких оснований полагать, что люди, осознавая свои цели и интересы в пределах своей активной жизни и в рамках сложившейся ситуации, массово выберут те стратегии поведения (и смогут, что немаловажно, скоординировать свои действия с другими людьми), которые обеспечат переконфигурацию политической системы. Проблема консервации “порядков ограниченного доступа”, следует заметить, была поставлена в рамках самого неинституционального анализа. На первый план в результате выходят культурные и ценностные паттерны поведения, препятствующие или способствующие достижению “порядков открытого доступа”.

Вывод о том, что определенные неэкономические условия предшествуют достижению успешного развития, а не следуют из него, можно считать примечательным результатом экономического анализа институтов. Исходя из него, можно утверждать, что рыночный способ координации – необходимое, но не достаточное условие построения свободного общества. Для обеспечения его эффективного функционирования он должен быть помещен в соответствующую институциональную и культурную среду. Обоснование этого подхода было связано с анализом различных траекторий исторического развития. Он подразумевает исторический подход к построению свободного общества как к процессу, в котором можно выделить определенные универсальные закономерности и стадии. Свободное общество – результат этого процесса, его построение выступает смыслом истории. Этот подход обладает определенными преимуществами в историко-экономических исследованиях. Но в применении к современным условиям связанная с ним неизбежная градация обществ с точки зрения соответствия смыслу и цели исторического процесса способна служить обоснованием сворачивания уже имеющихся прав и свобод в обществах, признаваемых “незрелыми”, для ограничения в них демократического процесса и оправдания авторитаризма – особенно в случае, если он признается “просвещенным”. Выдвижение в рамках либерализма положения,

что обеспечение структурных условий построения свободного общества может потребовать на каком-то этапе ограничения безусловного признания свободы как блага, выбору которого не может быть предпочтен выбор любого другого блага, ставит внутреннюю ценностную проблему.

В этом отношении предложенная нормативная интерпретация разделения политического и рыночного механизмов координации в концепции Рубинштейна обладает, как представляется, преимуществом. Здесь рыночный механизм также выступает основой для выявления и согласования предпочтений в виде системы цен. Как таковой он не требует особого ценностного обоснования, поскольку основан на проявлениях частных интересов. Но система социального либерализма предполагает также выявление предпочтений и интересов общества (его отдельных групп) и их последующее преобразование в политические цели посредством демократического механизма. Укажу и на то, что его эффективное, а не формальное функционирование также требует предварительных институциональных и культурных условий, которые в реальности могут отсутствовать. Важнейшие среди таких условий – развитое гражданское общество; конкурентный рынок идей, служащих основаниями для артикуляции интересов гражданского общества; интеллектуальная культура, позволяющая отсеивать нереалистичные или популистские лозунги и не допускать установление посредством демократического механизма недемократических или подрывающих долгосрочную стабильность общества целей.

Однако успешное “выращивание” таких условий в недемократическом обществе представить довольно затруднительно. Напротив, обеспечение политического отбора и сменяемости власти посредством демократических механизмов и артикуляции общественных интересов в условиях свободы слова способствует их формированию и упрочению. Таким образом, стабильное функционирование свободного общества в целом требует выполнения двух структурных условий: экономической свободы и политической свободы. Очевидные трудности (как теоретические, так и практические), с которыми сталкивается рассматриваемая концепция социального либерализма, связаны не с реалистичностью данных предпосылок, а с аналитической структурой самой концепции, и могут обсуждаться далее в рамках экономической теории.

“Другие люди” и перспективы либерализма в России

Проблема эффекта институтов, несомненно, имеет значение для приложения любой либеральной концепции к ситуации в России. Если принять положение, согласно которому имеющиеся институты гражданского общества не могут обеспечить должной артикуляции общественных интересов, а механизмы обратной связи между обществом и государством не позволяют отражать общественные предпочтения в политике, то на первый план выходит особенности поведения “других людей” – политиков и государственных служащих.

Предположим, следуя предложенной нормативной интерпретацией предпосылки Рубинштейна о разделении логики функционирования политического и рыночного механизмов, что их действия в большей степени определяются имеющимися у них представлениями об интересах государства – той реальной структуры, с которой связаны их интересы и в которой формируются их ценности. Тогда именно эти ценности будут определять их мировоззренческие фильтры, через которые будут отсеиваться положения любых аналитических систем, в том числе и экономической теории. Учет наличия этих фильтров, если они действительно имеют значение в процесс реального конструирования социально-экономической модели страны, представляется важным и для любой дискуссии о перспективах либеральной традиции в России. В этом случае, помимо особенностей формирования предложения на “рынке идей”, с которыми выступают представители различных интеллектуальных традиций, следует принимать во внимание и условия спроса на эти идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьин О.И. (2013) *Онтологические предпосылки экономических теорий*. М.: Институт экономики РАН.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара.

Рубинштейн А.Я. (2012) Социальный либерализм: к вопросу методологии // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 13–34.

Тамбовцев В.Л. (2013) Методологический анализ и развитие экономической науки // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 42–53.

The Concept of Social Liberalism on the ‘Market of Ideas’ of Contemporary Russia

D. MELNIK*

* **Melnik Denis** – associate professor, Subdepartment of Economic Methodology and History, National Research University – Higher School of Economics; senior research fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: dmelnik@hse.ru.

Abstract

The article is attempted to position the concept of social liberalism in a broader framework of the liberal tradition. Reception of this tradition in modern Russia was of a very limited character. The impact of liberalism has been limited mainly to elaboration of economic policy. The concept of social liberalism can potentially contribute to the enrichment of the liberal tradition in Russia. However, there are serious obstacles to the reception of liberalism. Analysis of the methodological foundations of the concept of social liberalism allows to reveal some of them.

Keywords: social liberalism, liberal tradition, market of ideas, socioeconomic model of contemporary Russia, institutions.

REFERENCES

Ananyin O.I. (2013) *Ontologicheskie predposilki ekonomicheskikh teoriy* [Ontological Foundations of Economic Theories]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011) *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Order: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Institut Gaidara.

Rubinstein A.Ya. (2012) Sotsialniy liberalizm: k voprosy metodologii [Social liberalism: Some Methodological Issues]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 6, p. 13–34.

Tambovtsev V.L. (2013) Metodologicheskiy analiz i razvitie ekonomicheskoy nauki [Methodological Analysis and the Development of Economics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, p. 42–53.

© Д. Мельник, 2015